

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

С. А. Белов
кандидат
юридических
наук,
доцент

При обсуждении проекта Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»¹ его разработчики и сторонники ссылались на зарубежный опыт эффективной законодательной защиты государственных языков. Правовое положение языка действительно выступает предметом активного законодательного регулирования и предметом судебных споров во многих зарубежных странах.

Языки во всем мире конкурируют друг с другом. Конкурируют за доминирование в разных сферах употребления — от официального общения и науки до средств массовой информации и песен, транслируемых по радио. Конкуренция языков отражает конкуренцию национальных культур, их стремление к разностороннему доминированию в экономике, культуре и политике, а законодательные меры используются в качестве оружия в этой борьбе.

XXI век — эпоха развития информационных технологий и глобализации мировой культуры — для многих языков поставил задачу сохранения и выживания. В разных странах, особенно в молодых национальных государствах (например, бывших республиках СССР), в последние годы происходило бурное развитие языкового законодательства, активное продвижение языка титульной нации в общественную жизнь. Языковая политика стала частью общей национальной политики, зачастую связанной с ущемлением прав национальных и языковых меньшинств. «Защита» государственного языка от преуменьшения его социальной роли стала перерастать в агрессивную экспансию.

Остро стоит проблема защиты негосударственных языков, языков национальных меньшинств, чьи позиции в культуре многих стран слабеют. На международном уровне предпринимаются попытки предотвращения утраты таких языков вследствие политики всеобщего доминирования государственных языков. В 1992 г. в рамках Совета Европы была открыта для подписания Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, которая направлена на поддержку культурного, в том числе языкового, многообразия в странах Европы.

В то же время зачастую даже наиболее привилегированные — государственные — языки сегодня нуждаются в защите. В странах, где вопрос национального государственного единства стоит не так остро, основные силы законодателей брошены на борьбу с мировой глобализацией в

¹СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

языковой сфере. В этом случае речь уже идет о борьбе языков за мировое господство и о защите их от всеобщей языковой стандартизации.

Правовое положение общегосударственного языка. Большинство государств, образованных одной национальностью, государств доминирования одной национальной культуры признает в качестве государственного языка только один язык. Такое положение дел может не связываться с приданием языку положения государственного де-юре. Язык, господствующий в политике, культуре и экономике, зачастую не нуждается в законодательной защите от посягательства со стороны языков меньшинств внутри страны.

Примером такой страны может быть Швеция, где положение шведского языка много лет остается предметом дискуссий, где ведется разработка законопроектов о придании этому языку положения государственного, но он до сих пор остается основным официальным языком де-факто, а юридически ничем не отличается от других языков. Похожая ситуация складывается в Японии, в ряде арабских государств (Саудовская Аравия, Республика Йемен), где однородная религиозная и культурная среда не требует правовых гарантий господства главного языка страны.

В Германии единый общегосударственный язык признается на уровне отдельных законодательных актов (немецкий язык признан официальным языком в законе об административных процедурах (§ 23 VwVfG), в налоговом (§ 87 AO 1977) и социальном законодательстве (§ 19 SGB X)). Общее правило о наделении статусом государственного языка отсутствует, хотя само по себе утверждение Основного Закона ФРГ на немецком языке обеспечивает использование именно языка конституции в официальной, юридической и нормотворческой сфере. В качестве единственного исключения Закон о судостроительстве (§ 184 GVG) допускает ведение судопроизводства на лужицком языке в регионах его распространения (Саксония и Бранденбург).

Юридическое признание общегосударственным только одного языка, демонстрирующего единство нации, характерно для

государств, стремящихся к этнокультурному однообразию, — для Франции, Турции и др. Во Франции ст. 2 Конституции 1958 г., в Турции ст. 3 Конституции 1982 г. провозглашают соответственно французский и турецкий языки государственными языками на всей территории государства. Унитарный характер этих государств, активная политика по объединению культурного и языкового пространства страны приводят к тому, что в законодательстве официальный статус не предоставляется ни одному из языков меньшинств. В последние годы стали создаваться правовые механизмы, обеспечивающие индивидуальные права на изучение, развитие и использование других языков в неофициальных сферах, однако это не означает изменения общей политики культурной ассимиляции.

В случае провозглашения одного из языков основным государственным языком (например, в ст. 10 Конституции Сербии 2006 г.) остается возможность вовлечения в официальные сферы других языков на уровне региональных государственных органов.

Признание одного языка государственным характерно для многих бывших колоний европейских держав, чьи местные национальные языки в силу недостаточной лексической разработанности, а зачастую и отсутствия письменности не могут выполнять функции государственного языка. В этом случае государственным языком признается язык бывшей метрополии (в Нигерии и Гане — английский, в Мали, Гвинее и Бенине — французский, в Мексике — испанский и т. д.).

Равноправие нескольких языков в статусе государственного языка характерно для: а) государств, исторически сложившихся как многонациональные; б) государств, культура которых долгое время находилась под колониальным влиянием, но местный язык которых достаточно развит, чтобы выполнять функции государственного языка.

В случае закрепления положения государственного языка за несколькими языками ни одному из них не оказывается предпочтение; они в равной мере используются во всех официальных сферах, и ни одному из них (за редким исключением, как, напри-

мер, в Индии) не придается статус «основного», «главного» государственного языка.

В Европе примерами многонациональных государств, обеспечивающих языковое равенство на общегосударственном уровне, могут послужить Бельгия и Швейцария.

Бельгийское государственное устройство предусматривает деление страны по языку населения на три региона: валлонский (состоящий главным образом из французского языкового округа и включающий немецкий языковой округ), фламандский (соответствующий границам голландского языкового округа) и двуязычный регион Брюсселя. В каждом из этих регионов и округов в деятельности государственных органов используется соответствующий официальный язык; на общегосударственном уровне голландский, французский и немецкий языки используются на равных условиях.

Именно бельгийское языковое законодательство, определяющее порядок формирования представительных органов в языковых округах, стало причиной спора, по которому 2 марта 1987 г. вынес решение Европейский суд по правам человека (дело Матье-Моэн (*Mathieu-Mohin*) и Клерфейт (*Clerfayt*) против Бельгии). Европейский суд пришел к выводу о том, что положения национального законодательства, которые требуют принесения парламентской присяги на государственном языке региона, ограничивают права представителей языковых меньшинств региона участвовать в работе региональных органов власти. Однако это ограничение определено особенностями национально-территориального устройства Бельгии и не может рассматриваться как нарушение положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Другим примером может быть Швейцарская конфедерация, где на общегосударственном уровне признаются три государственных (или официальных) языка — немецкий, итальянский и французский (ст. 70 Конституции) и четыре национальных языка — те же и вдобавок ретороманский язык (ст. 4 Конституции). Кроме того, Конституция позволяет отдельным кантонам устанавливать собственные государственные языки,

и один из трех двуязычных кантонов, кантон Граубюнден, признал ретороманский язык наряду с итальянским языком официальным языком кантона.

За пределами Европы примером двуязычного государства может быть Афганистан, где ст. 16 Конституции 2003 г. в качестве государственных названы языки фарси и пушту.

Часто признание равного статуса двух языков на общегосударственном уровне связано с колониальным прошлым этого государства. Обычно государственным провозглашается язык бывшей метрополии, который успел за время колониального господства прочно войти в официальные сферы использования, и язык основной национальности нового независимого государства.

Много споров вызвало включение в Конституцию Индии 1949 г. (а вслед за ней и в Закон об официальном языке 1963 г.) положений об официальном использовании в качестве общефедерального языка хинди и временно, в течение необходимого переходного периода, английского языка. С 1956 г. штаты Индийской федерации были организованы по национально-лингвистическому принципу, и ст. 344 Конституции позволяет штатам устанавливать собственные официальные языки. Перечисленные в приложении 8 к Конституции 18 языков получают государственную поддержку, а представители этих языковых групп включаются в специальную федеральную комиссию по языковым вопросам, однако в качестве общегосударственно-го никакой из этих языков не признан.

При этом ст. 350 Конституции Индии предусматривает право обращаться в любые государственные органы (и федеральные, и органы штатов) на любом языке, который используется в стране. В этом отношении Индия пошла намного дальше Швейцарии, предусмотревшей право любого гражданина обращаться в государственные органы по своему выбору на любом из официально признанных государственных языков.

Ситуация признания двух государственных языков — местного языка и языка бывшей метрополии — характерна для многих государств (Новая Зеландия — английский и язык маори, Пакистан — английский и

урду, Боливия и Перу — испанский и языки аймара и кечуа, Сомали — арабский и язык сомали). В ряде случаев признается государственным местный язык и сразу несколько европейских языков (Мадагаскар — английский, французский и малагасийский, Руанда — английский, французский и киньяруанда).

Правовое признание официального положения региональных языков. Гораздо чаще, чем признание равноправия нескольких языков на общегосударственном уровне, в мировой практике можно обнаружить примеры очевидного преобладания — в том числе правового — одного языка с одновременным созданием юридических гарантий использования и защиты других языков государства. Такие языки получают статус региональных языков — языков субъектов федеративных государств или языков отдельных провинций и автономий в унитарных децентрализованных государствах.

Региональные языки могут получить официальное признание независимо от того, признан ли за каким-либо языком юридический статус государственного на общегосударственном уровне. Может сложиться так, что государственные языки есть в регионах или субъектах федерации, но нет общего государственного языка всей страны. Именно так обстоит дело в Великобритании и в США. В Соединенном Королевстве официальное признание английского языка как государственного не предусматривается никакими правовыми актами, зато региональными актами Шотландии, Ирландии и Уэльса обеспечиваются гарантии равноправия с английским языком соответственно шотландского гаэльского, ирландского и валлийского языков. Присоединяясь в 2001 г. к Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, правительство Великобритании придало вышеперечисленным языкам статус защищаемых языков меньшинств.

Активные споры идут вокруг возможности признания английского языка государственным языком США. Этноязыковые конфликты, связанные с попыткой сохранить национально-культурную идентичность в

противовес общей политике создания «единой американской нации» в духе идеи «плавильного котла», были особенно остры в конце XIX — первой половине XX в. в штатах Пенсильвания и Висконсин (борьба за статус немецкого языка), Луизиана и Вермонт (борьба за статус французского языка). В конце XX в. проблема статуса английского языка как единственного и основного языка стала подниматься в штатах Флорида, Калифорния, Техас и в ряде других штатов на юго-западе страны, где проживает много испано-говорящих иммигрантов из центральной и южной Америки. Конкуренция между языками и борьба против провозглашения английского языка государственным усугубляются тем, что среди языков меньшинств испанский язык явно доминирует.

Сегодня английский язык так пока и не стал официальным языком США, зато имеет статус государственного языка на уровне 30 отдельных штатов, правда, в двух административных единицах — наряду со вторым языком (на Гавайях и в Пуэрто-Рико — вместе с гавайским и испанским). В 2006 г. Конгресс США одобрил закон о признании английского языком общения и государственного единства (Закон о единстве английского языка), однако президент наложил на него вето.

Вместе с тем на практике это не означает, что сегодня в официальных сферах общения используются другие языки, кроме английского. Именно в официальной сфере английский язык по-прежнему превалирует, но в распространении других языков в неофициальном общении и культуре нельзя не увидеть будущую угрозу безраздельному господству английского языка в США.

Многолетняя конкуренция между языками и борьба за сохранение языков и культур национальных меньшинств могут привести к тому, что один из языков будет провозглашен государственным, но другим, региональным, языкам будут обеспечены правовые гарантии их сохранения, защиты и развития. Примером такой ситуации может быть языковое законодательство в Испании. Конституция Испании (ст. 3) закрепляет статус официального языка за кастильским языком и

допускает придание официального статуса языкам отдельных автономных сообществ. Согласно позициям Конституционного суда Испании (решения № 82 1986 г. и № 147 1996 г.) порядок использования языков регулируется центральными и региональными органами власти в соответствии с пределами их юрисдикции. Кроме того, требование об обязательном знании второго, регионально-официального языка может быть установлено только для претендентов на государственные посты и не может касаться обычных граждан (решения Конституционного суда № 84 1986 г. и № 46 1991 г.).

О широте использования региональных языков можно судить на примере Решения Конституционного суда Испании № 337 1994 г., в котором суд пришел к выводу о допустимости предоставления среднего образования в государственных школах только на региональном — в данном случае каталонском — языке, несмотря на протесты родителей школьников.

Получение статуса регионального языка чаще всего относится к компетенции законодательных органов отдельных регионов (провинций, штатов и т. п.) — как в федеративных государствах (США), так и в унитарных государствах с высокой степенью децентрализации (Испания). В этом случае региональным органам власти предоставляются самые широкие полномочия и по провозглашению официального регионального языка, и по конкретизации этих положений в правовых актах региона.

Регионы определяют — с учетом общегосударственного законодательства — пределы обязательности использования регионального официального языка, устанавливают юридические гарантии мер защиты региональных языков, обеспечивают за счет соответствующего региона принятие программ изучения и развития отдельных региональных языков. В этом случае нормотворческие полномочия региональных законодательных органов санкционируются центральными органами власти.

Интересная ситуация складывается с языками, которые получают статус официальных на основании решений региональ-

ных государственных органов без санкции и юридического признания со стороны центральных органов государства. Именно так обстоит дело на Украине, где с 1993 г. и особенно активно в 2006 г. — после провала идеи о проведении референдума по вопросу статуса русского языка — государственные органы ряда областей Украины и муниципалитеты городов юга и востока страны принимали решения о придании русскому языку статуса регионального языка. При принятии этих решений они апеллировали к Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, несмотря на то что Хартия позволяет определять статус региональных языков только центральным органам власти.

Эти решения органов отдельных областей и городов получили неоднозначную судебную оценку: в одних регионах они были отменены, в других сохранили силу. В Луганской и Харьковской областях решения областных советов о статусе русского языка остались в силе из-за отказов судов рассматривать требования прокуроров. Суды в Донецке и Харькове, в конце концов (после прохождения дела через несколько инстанций), оставили в силе решения городских советов об официальном статусе русского языка. В Николаевской, Херсонской, Запорожской, Кировоградской областях аналогичные решения были отменены в судебном порядке. В Донецкой области суд отменил решение городского совета и оставил в силе решение совета области, в Харькове, наоборот, осталось в силе решение городского совета. В результате в некоторых регионах Украины предприятиям и учреждениям, в том числе местным властям и судам, было разрешено вести деловую и техническую документацию, писать названия улиц на русском языке, в то время как в других регионах, в том числе регионах с преобладанием русскоговорящего населения, по-прежнему господствует украинский. В Одессе русский язык в 2006 г. был признан языком межнационального общения наряду с ивритом, болгарским, гагаузским и молдавским языками, а год спустя, в апреле 2007 г., русский был объявлен вторым государственным языком.

Сферы обязательного использования государственных и официальных языков. Понятие «государственный язык» редко используется в зарубежной юридической терминологии. Чаще речь идет об «официальном языке» государства. В документах ЮНЕСКО 1950-х годов предлагалось различать понятия «национальный язык» и «официальный язык». Национальный язык должен выполнять интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах и выступать в качестве символа данного государства, а официальный — функции обеспечения государственного управления, законодательства, судопроизводства.

Именно такой подход признан в большинстве стран, в результате чего сфера законодательного регулирования не ограничивается пределами деятельности государственных органов, а охватывает обширный круг вопросов использования языка в области экономики, политики и культуры. Сформулированные ЮНЕСКО функции национального языка заставляют усомниться в том, что таких языков в государстве может быть несколько и что каждый из них будет способен выполнять одновременно с другими интеграционную функцию в отношении политики и культуры страны. Очевидно, что такие определения скорее предполагают существование общего государственного языка для всей страны (одного национального языка) и одновременно государственных (официальных) языков отдельных регионов. Тем самым будут соблюдены права национальных меньшинств и обеспечено необходимое единство государства.

Различия между национальным и официальными языками видны на приведенном выше примере Швейцарии, где состав официальных и национальных языков не совпадает и где национальные языки выполняют в основном культурные функции, а официальные языки применяются для официального общения с должностными лицами государственных органов.

Примером самого широкого установления статуса официального языка может быть канадская провинция Квебек, где в 1977 г.

борьба между английским и французским языками закончилась в пользу последнего в результате принятия закона — Хартии французского языка. В соответствии с положениями Хартии использование французского языка стало обязательным не только в официальных сферах, но и в трудовых отношениях на крупных и средних предприятиях, в коммерции, образовании, рекламе и на дорожных указателях. К официальным сферам канадское законодательство относит использование языка в законодательстве и деятельности администрации, тогда как в судах и федеральных органах действует правило обязательного использования двух общегосударственных языков.

Требования, предусматривающие широкую сферу обязательного использования государственного языка, содержались в первоначальной редакции французского Закона Тубона (*Loi Toubon*) 1994 г. «Об употреблении французского языка» и были оспорены в Конституционном Совете Франции. В той части, в которой Закон требовал использовать французский язык в частных сферах (в частных организациях), на радио и телевидении, он был признан нарушающим свободу слова и выражения мнения решением Конституционного Совета от 29 июля 1994 г.

В большинстве стран сферами обязательного использования официального языка признаются, помимо деятельности государственных органов, сферы образования и общения с государственными организациями и учреждениями. В частности, использование региональных языков и языков меньшинств в этих сферах гарантирует Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств.

В Испании защита языков автономных сообществ осуществляется с помощью региональных законов о «нормализации» (*normalization*) языка — законов об употреблении языка в тех сферах, где его влияние было утрачено: в образовании, государственной службе или правосудии. Например, Закон о нормализации каталонского языка 1983 г. предусматривает обеспечение прав на использование этого языка в официальных сферах (при опубликовании правовых ак-

1. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РФ

тов, в переписке государственных органов с гражданами), в сфере образования и в средствах массовой информации.

В официальной сфере использования государственного языка, в свою очередь, можно выявить области обязательного применения. Характерна в этом отношении терминология законодательства ФРГ, в котором различаются сферы официального языка (*Amtsprache*), в частности языка исполнительной власти (государственной администрации), языка судопроизводства (*Gerichtssprache*) и парламентского языка (*die Sprache der Parlamente*).

Судопроизводство остается едва ли не самой важной сферой применения государственного языка, поскольку возможность понимать ход судебного процесса напрямую влияет на возможность защищать свои права в суде. Известно дело двух фламандских рабочих, которые были приговорены судом в провинции Эно к смерти, так и не поняв ни слова из судебного процесса. Это дело, всколыхнувшее общественное мнение, стало важным толчком к развитию языкового законодательства Бельгии.

Именно стремление обеспечить возможность участия в судебном процессе на родном языке заставило немецких законодателей предусмотреть упоминавшееся выше исключение из общих правил языка судопроизводства и признать возможным в некоторых регионах страны ведение судебного процесса на лужицком языке.

Во многих странах стремление обеспечить единство правовой системы, единство законодательной терминологии, применяемой судами, единство судебной системы превалируют над интересами участников судебных процессов. В Испании использование региональных официальных языков не осуществляется в судопроизводстве. Судебные документы составляются и судебные процессы во всей стране ведутся на кастильском (испанском) языке.

С 2005 г. использование государственного языка в судопроизводстве стало обязательным на Украине. 22 апреля 2008 г. Конституционный суд подтвердил соответствие гражданского процессуального и административно-процессуального кодексов, устанавливающих

эти требования, ст. 10 Конституции Украины, которая гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского языка.

Помимо использования официального языка для судопроизводства, работы государственных органов и их общения с гражданами, обязательно опубликование на государственном языке любых правовых актов, проведение выборов и референдумов. В этих случаях, правда, есть исключения. Принятый в 1965 г. и действующий в настоящее время Закон США об избирательных правах гарантирует доступ к избирательным процедурам независимо от владения английским языком и даже обязывает печатать бюллетени и другую избирательную документацию на языке национальных меньшинств.

Можно упомянуть также требование знания государственного языка как условие приобретения гражданства в США (US Code Title 8, § 1423), Швейцарии, Беларуси, Эстонии и ряде других стран.

Помимо использования в официальном общении и делопроизводстве, в большинстве стран мира государственный язык должен обязательно использоваться в образовательных учреждениях. Воспитание молодежи на основном официальном языке страны эффективно обеспечивает культурную ассимиляцию детей мигрантов, способствует языковому объединению государства и потому выступает второй после деятельности государственных органов важнейшей сферой обязательного использования государственного языка.

В то же время государство может быть ограничено юридическим контролем над государственными образовательными учреждениями и не должно устанавливать требования об использовании языка для частных школ и университетов. Это положение не раз было высказано и обосновано в решениях Верховного суда США 1920-х годов. Штаты вправе устанавливать обязательные языки для государственных, но не могут этого делать для частных школ (*Meyer vs State of Nebraska*, 262 US 390, 1923).

Активное насаждение государственного языка в школах характерно для ряда республик бывшего СССР. В Эстонии с 2007 г.

началась реформа преподавания в школах, целью которой стал переход к преподаванию всех предметов во всех, в том числе русских, школах на эстонском языке, а с 2009 г. предполагается осуществление аналогичных мер в детских садах. В Молдавии в высших и средних специальных учебных заведениях 70% студентов учатся на молдавском языке, а 30% — на русском.

Требованиями об использовании государственного языка в официальных сферах общения и в образовании законодательство многих государств, в том числе бывших республик СССР, не ограничивается.

На Украине (в столице — городе Киеве) неоднократно звучали предложения законодательно запретить преподавание на русском во всех (не только государственных) учебных заведениях, запретить говорить по-русски кондукторам общественного транспорта и запретить издание рекламы на русском языке. Правда, эти инициативы так и не получили официального одобрения, а Конституционный суд Украины в декабре 1999 г. принял решение, подтверждающее право граждан на употребление и изучение языков национальных меньшинств в учебном процессе даже в государственных и муниципальных учебных заведениях, сохранив тем самым в стране русские школы.

В Латвии Министерство юстиции утверждает перечень профессий с требованиями минимального знания латышского языка, а в Эстонии специальная языковая инспекция проверяет владение эстонским языком как государственных служащих и работников государственных учреждений, так и предпринимателей, принуждая к уплате штрафа и сдаче специального языкового экзамена.

Подобные меры агрессивного насаждения государственного языка, принуждения к его обязательному использованию в республиках бывшего СССР, как правило, идут дальше, чем требования западноевропейских законодателей.

В государствах Европейского Союза на уровне актов ЕС установлены обязательные квоты на использование европейской продукции, которые в отношении языков могут ужесточаться в отдельных государ-

ствах. Во Франции общеевропейская квота в 50% на трансляцию по радио европейских музыкальных произведений повышена для защиты национальных интересов. Во Франции 60% песен на радио должны звучать на европейских языках, а 40% обязательно исполняются на французском языке или на региональных языках Франции. Похожие требования устанавливает Закон о языковой политике в Каталонии: государственные радио- и телеканалы должны обеспечивать не менее 50% вещания на языке автономного сообщества, а в музыкальных программах на этом языке должны исполняться не менее 25% песен. Однако при этом ни во Франции, ни в Испании ограничения не касаются кинопроката, тогда как Конституционный суд Украины в решении от 24 декабря 2007 г. пришел к выводу, что все фильмы должны сопровождаться субтитрами или дублироваться на государственном языке. Во Львове городской совет Законом «О защите звуковой среды города» в июне 2000 г. вообще запретил транслировать в общественных местах песни на русском языке.

Насаждение государственного языка часто встречает общественное противодействие. Возникают споры относительно пределов использования такого языка, поскольку основной и главной сферой в любом случае останется сфера официального общения с государственными органами. Необходимость использования государственного языка в этой сфере вызывает мало сомнений, тогда как обязательность государственного языка в области культуры, науки, образования, в деятельности негосударственных коммерческих компаний — мера не всегда оправданная.

Борьба с ограничениями использования неофициальных языков в сфере культуры продиктована стремлением защитить права национальных меньшинств. В отношении требований к делопроизводству в негосударственных организациях основным мотивом сопротивления выступают экономические интересы. Самыми активными противниками французского Закона Тубона, обеспечивавшего защиту чистоты французского языка, стали деловые круги. В современной

глобальной экономике и сфере предпринимательства сотрудничество с международными корпорациями, использование универсальных финансовых инструментов и другие условия ведения бизнеса требуют глобальной унификации языка. Однако именно во Франции значительное внимание уделяется не только определению сфер обязательного использования языка, но и защите чистоты самого языка, защите от иностранных заимствований, искажений и т. п.

Меры законодательной защиты государственных языков. Первым шагом на пути обеспечения защиты языка часто становится закрепление официальной языковой нормы, официального языкового стандарта.

Формально-юридическим способом достижения этой цели становится издание главной государственной академией словарей и справочников, отражающих языковые стандарты, прежде всего в области лексики и орфографии государственного языка. Примерами стандартного представления национального языка в виде набора словарей могут быть: в Германии — *DUDEN, Standardwerk zur deutschen Sprache*, в Великобритании — *Standard Reference Books*, во Франции — *Dictionnaire de l'Académie française*, стандарты орфографии, опубликованные в *Journal officiel* и доступные на сайте Французской академии.

Стандартизация языка позволяет четко определить различие между официальной и разговорной языковой нормой, проводить различие между оригинальными и заимствованными словами, и, хотя неизбежным следствием этого становится консервация официального языка, для целей правовой определенности издание таких стандартов явно необходимо. Стандартизация языка позволяет параллельно решить и ряд побочных задач, например установить границу между языками и диалектами (юридически решить проблему, которая остается не до конца решенной в лингвистике). В 1923 г. законодательство штата Иллинойс (США) установило официальный статус «американского» языка, с помощью стандартизации которого можно было бы установить его отличие от английского языка.

В отсутствие стандартизации языка пра-

вовые нормы, подобные правилам в Беларуси и Киргизии об обязательном использовании литературной нормы государственного языка, остаются в правовом отношении неопределенными.

При стандартизации языка возникает проблема выбора его графической основы.

Сегодня очевидны тенденции к сокращению видов графических основ языка, и отдельные неудачи объясняются исключительно экономическими причинами. Примерами успешной смены алфавита в мировой практике может служить относительно легкий переход Турции в 1928 г. с арабского алфавита на латиницу, а ряда бывших республик СССР (Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Молдавия) — с кириллицы на латинский алфавит. Примером неудавшегося перехода выступает Монголия, где попытки перехода от кириллицы к старомонгольской графике письма оказались безуспешными из-за крайней дороговизны этого мероприятия.

Ряд современных языков существует сегодня в двух алфавитах, и сохранение традиционной графической основы рассматривается как борьба за сохранение культурной самобытности и как защита особенностей национального языка.

Примером может послужить сербский язык, который в настоящее время существует в двух вариантах написания: в кириллице (вуковице — традиционной письменности, использовавшейся с начала XIX в.) и в латинице (гаевице, появившейся несколько десятилетий спустя). Конституция Сербии признает государственной только кириллическую графику, однако на практике два варианта графической основы конкурируют между собой. Одни популярные газеты и журналы в Сербии издаются на кириллице, другие используют латинское письмо. Дорожные указатели дублируются в двух вариантах алфавита. В деятельности государственных органов явное предпочтение отдается кириллице. Кириллическое письмо официально используется и православной церковью Сербии — наиболее популярной в стране религиозной общиной, объединяющей около 90% населения.

Борьба за изменение или сохранение графической основы зачастую становится выражением регионального сепаратизма и формой заявления о независимости. В этом отношении характерны примеры Приднестровья и Тайваня — двух государственных образований, не признанных большинством государств мира.

Конституция Республики Молдова в 1991 г. установила, что молдавский язык используется как официальный язык на основе латинской графики (румынское правописание). Приднестровская Молдавская Республика отказалась признавать этот вариант письма и, сохранив тот же молдавский язык как официальный в соответствии с Конституцией (наравне с русским и украинским языком), продолжает использовать его в официальных сферах в кириллическом варианте.

На Тайване в 2004 г. была проведена реформа письменности, было объявлено об отказе от традиционного китайского письма иероглифов сверху вниз по столбцам, а столбцов справа налево и установлено горизонтальное письмо слева направо по образцу европейских языков.

В некоторых случаях важным аспектом графики становится написание не только букв или иероглифов, но и цифр. Статья 343 Конституции Индии специально оговаривает, что государственным языком может считаться хинди на графической основе деванагари, однако цифры в официальных сферах используются общепризнанные международные — арабские.

Республика Болгария, вступая в Европейский Союз в 2007 г., потребовала признания кириллицы в качестве равноправного алфавита, который стал третьим вариантом письма в ЕС (наряду с латиницей и греческим). В частности, это потребовало дополнительного изображения наименования европейской валюты «ЕВРО» в дополнение к «EURO» и «ΕΥΡΩ». Болгария инициировала и регистрацию первого интернет-домена на кириллице; эту идею поддержали и другие государства, в том числе Россия.

Унификация графической основы разных языков мира используется также для стандар-

тизации автомобильных номеров, которые в соответствии с приложением 2 к Конвенции о дорожном движении 1968 г. должны состоять либо из цифр, либо из цифр и букв. При этом цифры должны быть арабскими, а буквы — прописными буквами латинского алфавита или буквами какого-либо другого алфавита, если они по начертанию совпадают с латинскими.

Борьба за самобытность графики языка не так существенна по сравнению с усилиями, которые предпринимаются для защиты самостоятельной исконной лексики. Борьба с заимствованиями в той или иной степени характерна для большинства европейских культур и известна издавна. Примечателен пример Исландии, где литературный язык почти полностью свободен от заимствованных слов. При этом законодательные меры защиты языка в Исландии не получили особого распространения, а «чистота» исландского языка («языковой пуризм») была обеспечена своеобразием естественного развития национальной культуры.

В отношении языкового пуризма и правового его обеспечения сегодня основной пример представляет собой Франция. Уже упоминавшийся Закон Тубона 1994 г. продолжил серию законодательных актов, изданных во Франции в целях защиты французского языка в 1970-е годы.

Закон Тубона установил запрет на использование иностранных слов и выражений при возможности использования французских. Реализация этого Закона была связана с созданием при министерствах ряда специальных комиссий в различных областях науки, техники и культуры, каждая из которых должна обеспечить подбор французских терминов для замены общеупотребительных английских слов. Были подобраны специальные слова для обозначения «компьютера» (*ordinateur*) и «электронной почты» (*courriel*), а также для более чем 4000 других современных слов, используемых во многих современных языках в английском варианте. Таким образом, государственные органы позаботились об обеспечении восполнения французского лексического состава, позволив себе применять суровые штрафы, пре-

дусмотренные Законом Тубона за нарушение его положений.

Законодательные меры по защите языка от влияния со стороны других языков должны учитывать необходимость развития языка. Успешное выполнение государственным языком присущих ему функций возможно при его постоянном развитии и обогащении в различных сферах — от официального общения до языка научных исследований. Для признания языка государственным требуется определенная степень развитости языка в грамматическом, лексическом, стилистическом отношении, которая позволяет успешно ассимилировать заимствования из других языков. В государствах, появившихся на карте мира в последние десятилетия, провозглашение собственной государственности зачастую связывалось с отстаиванием национально-культурной самобытности и провозглашением местного диалекта государственным языком. Например, борьба за признание черногорского диалекта сербскохорватского языка началась в 1990-е годы. Черногорский язык не имел самостоятельной литературной нормы, не признавался отдельным языком большинством его носителей. Несмотря на это, в 2007 г. черногорский язык стал государственным языком Черногории и требует дальнейшего активного развития, в условиях которого языковой пуризм будет вряд ли оправдан на практике.

Таким образом, придание языку статуса государственного создает для этого языка явные преимущества в конкуренции с дру-

гими языками страны. Другие языки в целях обеспечения прав их носителей на сохранение национальной культуры и на удобство использования родного языка в официальной сфере общения могут иметь статус региональных языков или получить защиту как языки меньшинств с опорой на содержание правовых гарантий, установленных Европейской хартией 1992 г.

Подобные гарантии в условиях национально-территориального государственного устройства позволяют использовать децентрализацию полномочий по нормативному регулированию статуса региональных языков и передать функции по их установлению и принятию мер защиты региональным органам государственной власти.

При этом защита государственных (официальных) языков должна осуществляться осторожно в отношении требований обязательного использования государственного языка за пределами сфер официального общения, поскольку, как свидетельствует мировая практика, это может рассматриваться как нарушение прав национальных меньшинств и отдельных граждан.

В то же время защита государственных языков может осуществляться путем языковой стандартизации и принятия мер по защите от отклонений от установленных языковых норм. Однако нельзя забывать и о необходимости развития языка, которое должно идти в разных направлениях, в том числе путем заимствования иностранных слов, пусть и с известными ограничениями.